

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-190-203>

Научная статья / Research article

Кадровый вопрос в послевоенных прибалтийских республиках: характеристика и решение

Кирилл Анатольевич Болдовский ^a , Никита Юрьевич Пивоваров ^{bc}

^a Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербург, Россия

^b Первый МГМУ имени И.М. Сеченова (Сеченовский университет), Москва, Россия

^c Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия

 bold63@mail.ru

Аннотация: Проанализированы основные качественные характеристики и особенности формирования руководящего состава и специалистов Латвии, Литвы и Эстонии в период «позднего сталинизма». Основными источниками для подготовки статьи стали архивные документы, отложившиеся в тематических делах Политбюро ЦК ВКП(б), и материалы «Единовременного учета руководящих работников и специалистов на 1 ноября 1947 года» – уникальной закрытой переписки, обнаруженной в Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга. В статье были проанализированы общая численность работников в конкретных отраслях, доля, которую составляли работники «коренной» национальности и количество руководителей, приехавших на работу в республики после окончания войны. Последние данные особенно важны, так как позволяют определить долю работников тех или иных отраслей, проживавших в республиках во время оккупации. Особое внимание уделено системе управления и политическим кампаниям, которые оказывали непосредственное влияние на кадровую политику. Анализ, проведенный авторами, показал, что доля руководителей и специалистов «коренных национальностей» не превышала 85 %, а чаще всего находилась в диапазоне 50–60 %. При этом на уровне уездов и волостей доля «коренных» национальностей возрастала до 95 %, то есть на низовом – большинство руководителей и специалистов состояло из местных жителей, как правило беспартийных, проживавших в годы войны на оккупированных территориях. Вероятно, это обстоятельство вызывало беспокойство центральных властей и привело к ряду политических кампаний конца 1940-х – начала 1950-х гг. Только после смерти И.В. Сталина началось реформирование кадровой политики, авторами которой можно считать Л.П. Берия и Н.С. Хрущева.

Ключевые слова: номенклатура, страны Балтии, политические репрессии, партийный аппарат, поздний сталинизм

Для цитирования: Болдовский К.А., Пивоваров Н.Ю. Кадровый вопрос в послевоенных прибалтийских республиках: характеристика и решение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 2. С. 190–203. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-190-203>

Cadres Issue in the Post-war Baltic Republics: Characteristics and Solution

Kirill A. Boldovskiy ^a , Nikita Yu. Pivovarov ^{bc}

^a St. Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

^b First Moscow State Medical University (Sechenov University), Moscow, Russia

^c Institute of World History of Russian Academy of Sciences

 bold63@mail.ru

Abstract: The article analyzes the main qualitative characteristics and features of the leadership and specialists' formation of Latvia, Lithuania and Estonia in the period of "late Stalinism." The main sources for the article were the archival documents of the thematic cases of the Politburo of the Central

Committee of the All-Union Communist Party of the Bolsheviks and the materials of the “Survey of executives and specialists as of November 1, 1947” – a unique closed census, the results of which were reported only to the top Soviet leadership. The article analyzes the total number of employees in specific industries, the proportion of the workers of the “indigenous” nationality and the number of managers who came to work to the republics after the end of the war. The latter data are of particular importance, since they made it possible to calculate the proportion of workers in certain industries who lived in the republics during the occupation. Special attention is paid to the management system and political campaigns that exerted direct influence on cadres policy. The analysis carried out by the authors showed that the proportion of leaders and specialists of “indigenous nationalities” did not exceed 85 %, and most often was 50–60 %. At the same time, at the level of uyezds and volosts, the proportion of “indigenous” nationalities increased to 95 %, i.e. at the grassroots level, most of the leaders and professionals were local residents, usually non-members, who had spent the war years under the occupation. Probably, this circumstance caused concern of the central authorities and led to a number of political campaigns in the late 1940s – early 1950s. Only after J.V. Stalin’s death did the reform of cadres policy begin; L.P. Beria and N.S. Khrushchev can be considered its authors.

Keywords: nomenklatura, Baltic countries, late Stalinism, political repressions, party apparatus

For citation: Boldovskiy, K.A., and Pivovarov, N.Yu. “Cadres Issue in the Post-war Baltic Republics: Characteristics and Solution.” *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 2 (May 2022): 190–203. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-190-203>

Введение

Одной из важнейших задач, которые пришлось решать советскому руководству после окончания Великой Отечественной войны, стала проблема организации системы управления в регионах, освобожденных от оккупации. Наиболее сложной была обстановка на тех территориях, которые были включены в состав СССР незадолго до начала войны: Литве, Латвии, Молдавии и Эстонии, в западных областях Белоруссии и Украины.

Вместе с тем стоит отметить, что основной массив историографии, посвященный Латвии, Литве и Эстонии в период позднего сталинизма, как правило, был связан с двумя темами – вооруженным сопротивлением и массовыми репрессиями. Исключением в этом смысле являются публикации историков О. Мертельсманна, Д. Фееста, Е.Ю. Зубковой, М.В. Ходякова¹, посвященные преимущественно социально-экономическим аспектам развития трех республик Балтии. Проблемы формирования и распределения руководящих кадров как основы советизации в республиках рассматривались в отдельных работах Е.Ю. Зубковой, эстонских историков – Т. Таннберга и Х. Таммелы², а также в специальном номере журнала «Ajalooline Ajakiri» (под общ. ред. Т. Таннберга)³. Однако в них историки уделяли внимание

¹ *Mertelsmann O.* Der stalinistische Umbau in Estland. Von der Markt- zur Kommandowirtschaft. Hamburg, 2006; *Mertelsmann O., Rahi-Tamm A.* Cleansing and compromise. The Estonian SSR in 1944–1945 // *Cahiers du Monde Russe.* 2008, 49 (2–3). P. 319–340; *Mertelsmann O.* Die Sowjetisierung Estlands und seiner Gesellschaft. Kovač, Hamburg, 2012; *Feest D.* Zwangskollektivierung im Baltikum. Köln, Weimar, Wien, 2007; *Зубкова Е.Ю.* Прибалтика и Кремль. 1940–1953. М., 2008; *Она же.* Центр и балтийские Республики: «перезагрузка» взаимоотношений в 1950-е гг. // *Уральский исторический вестник.* 2019. № 2 (63). С. 112–119; *Ходяков М.В.* Материалы государственного архива Эстонии как источник по изучению истории военнопленных второй мировой войны в лагерях НКВД-МВД ЭССР. 1944–1949 гг. // *Вестник архивиста.* 2013. № 2. С. 121–132; *Он же.* Партийно-советское руководство Эстонской ССР и борьба за трудовые ресурсы лагерей НКВД для иностранных военнопленных в 1944–1946 гг. // *Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета.* 2015. № 21. С. 272–282.

² *Зубкова Е.Ю.* Феномен «местного национализма»: «Эстонское дело» 1949–1952 годов в контексте советизации Балтии // *Отечественная история.* 2001. № 3. С. 89–102; *Tammela H.* Eesti NSV nomenklatuur (1944–1953). Bakalaureusetöö. Juhendaja. Tartu, 2005; *Таннберг Т.* Политика Москвы в республиках Балтии в послевоенные годы (1944–1956). Исследования и документы. М., 2010.

³ *Hämäläinen M.* Eestimaa Kommunistliku Partei Keskkomitee nomenklatuur 1945–1990: areng ja statistika // *Ajalooline Ajakiri.* 2015. № 4. P. 357–386; *Liivik O.* Nomenklatuurisüsteemi funktsioneerimisest aastatel 1944–1953 Eesti NSV valitsusliikmete näite // *Ajalooline Ajakiri.* 2015. № 4. P. 387–406.

изменениям в составе высших руководящих кадров, тогда как вопросы функционирования среднего и низшего руководящего звена не рассматривались.

В статье ставится задача комплексного исследования руководящего состава республик Балтии в первые послевоенные годы, уделив особое внимание проблемам соотношения «местных» (латвийских, литовских и эстонских) и «приезжих» (главным образом русскоязычных) кадров.

Основными источниками для подготовки статьи стали материалы Политбюро ЦК по Латвии, Литве и Эстонии, отложившиеся в фондах Российского государственного архива новейшей истории (далее – РГАНИ). Основные численные данные были получены в результате анализа материалов «Единовременного учета руководящих работников и специалистов на 1 ноября 1947 года», находящихся в Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб)

Создание Бюро ЦК ВКП(б) по прибалтийским республикам

С конца 1944 г. по март 1947 г. управление республиками осуществлялось Бюро ЦК ВКП(б). В административно-территориальном управлении Латвии, Литвы и Эстонии в первые послевоенные годы можно выделить несколько периодов. Административное деление с 1944 г. по 1949–1950 гг. оставалось традиционным и было представлено уездами и волостями (в Литве функционировали в качестве одной из низших административных единиц еще и апилинки (*apylinkė*)). С конца 1949 г. начинается процесс формирования районов. На 1950–1952 гг. пришелся второй этап административно-территориальных изменений, связанный с образованием в республиках областей. Весной 1953 г. наступил завершающий этап, связанный с ликвидацией областного деления.

Бюро ЦК ВКП(б) по республикам появились практически сразу после освобождения территорий от оккупации. В соответствии с постановлением Политбюро от 11 ноября 1944 г. были образованы Бюро ЦК ВКП(б) по Литве и Эстонии⁴, 29 ноября того же года – Бюро ЦК по Латвии⁵. Все три Бюро, в соответствии с преамбулой текста постановлений, были созданы «в целях оказания помощи» местным ЦК компартиям «в деле укрепления руководства партийными, советскими и хозяйственными организациями». Вместе с тем функции Бюро ЦК ВКП(б) по Литве и Эстонии были прописаны существенно подробнее, чем Латвии. Вероятно, это объяснялось тем, что председателем Бюро по Эстонии и Латвии был назначен один человек – Н.Н. Шаталин, бывший первый заместитель начальника Управления кадров ЦК, который уже знал свои полномочия.

Функции республиканских Бюро сводились к четырем основным задачам: а) укрепление руководящих кадров аппаратов центральных и местных как партийных, так и государственных органов; б) борьба «с буржуазными националистами и другими антисоветскими элементами»; в) реализация мер по восстановлению экономик республик и г) организация идеологической работы среди населения и «большевистское воспитание партийных и советских кадров»⁶. Бюро непосредственно подчинялись ЦК ВКП(б) и должны были регулярно отчитываться перед руководством партии.

Состав всех трех Бюро был довольно стандартным – непосредственными руководителями (председателями и их заместителями) были люди, присланные из Москвы, тогда как членами состояли «местные» кадры: уполномоченные НКВД и НКГБ

⁴ Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 3. Оп. 61. Д. 205. Л. 62; Там же. Д. 905. Л. 49.

⁵ Там же. Д. 193. Л. 55.

⁶ Там же. Д. 205. Л. 62; Там же. Д. 905. Л. 49.

СССР по республикам, первые секретари компартий и председатели совнаркомов. Так, в состав Бюро по Латвии, кроме Н.Н. Шаталина и его заместителя Ф.М. Бутова, в качестве членов вошли А.Н. Бабкин (уполномоченный НКВД и НКГБ СССР по Латвии), Я.Э. Калнберзинь (первый секретарь ЦК КП(б) Латвии) и В.Т. Лацис (председатель СНК Латвии). С мая 1946 г. членом Бюро был утвержден командующий Прибалтийским военным округом И.Х. Баграмян. В состав Бюро ЦК по Литве, кроме М.А. Суслова⁷ и его заместителя Ф.Г. Ковалева, вошли И.М. Ткаченко (уполномоченный НКВД и НКГБ СССР по Литве), А.Ю. Снечук (первый секретарь ЦК КП(б) Литвы) и М.А. Гедвилас (председатель СНК Литвы). Наконец, в Бюро ЦК по Эстонии, кроме Шаталина и его заместителя Г.В. Перова, вошли Н.С. Сазыкин (уполномоченный НКВД и НКГБ СССР по Эстонии), Н.Г. Каротамм (первый секретарь ЦК КП(б) Эстонии) и А.Т. Веймер (председатель СНК Эстонии).

Взаимоотношения между председателями Бюро и местными руководителями складывались непросто. Так, М.А. Суслов в своем отчете о первом полугодии работы в Литве докладывал, что в начале встретил довольно прохладный прием со стороны руководства ЦК и СНК республики. Первый секретарь ЦК КП(б) Литвы Снечук уже на первой встрече задал Суслову вопрос: «Не означает ли Ваш приезд, что теперь руководящую роль будут играть русские товарищи?»⁸. С аналогичными настроениями со стороны местных руководителей столкнулся и Н.Н. Шаталин. В отчете за первый год работы Бюро, который Шаталин представил И.В. Сталину, было указано, что Я.Э. Калнберзинь и В.Т. Лацис опасались «возможности подмены местных руководящих органов, а, следовательно, понижения их авторитета»⁹.

Главное внимание всех трех Бюро было сосредоточено на «очищении» республик от «враждебных элементов», разгроме «буржуазно-националистического подполья» и «буржуазно-националистических банд», для чего использовались с конца 1944 г. органы НКВД, НКГБ, СМЕРШ, партийные и комсомольские структуры. В результате уже к апрелю 1945 г. только в Латвии было ликвидировано почти 56 бандформирований, задержано и убито почти 8 тыс. чел., ликвидированы несколько подпольных типографий. В Эстонии к апрелю 1945 г. были арестованы и убиты около 9 тыс. чел.¹⁰

Параллельно со спецоперациями в республиках шла активная агитационная работа среди населения. С учетом того, что советская власть до войны просуществовала в Балтийских государствах не слишком долго, а до включения этих территорий в состав СССР и во время немецкой оккупации здесь велась антисоветская, националистическая агитация, требовалось немало усилий, чтобы охватить максимально широкий круг населения. Для этого с подачи руководства Бюро и местных ЦК компартий проводились волостные, уездные, республиканские собрания и съезды крестьян, молодежи и т.д., на которых разъяснялась политика ВКП(б) и советской власти по восстановлению экономики республик, читались доклады на темы военно-политического и международного положения СССР, злодеяний немецких фашистов и их латышских (литовских, эстонских) пособников и др.

Наряду с идеологической работой активно шел процесс восстановления сельского хозяйства и промышленности республик. В этих условиях основное внимание руководителей Бюро было направлено на решение кадрового вопроса, который был ключевым в планах по советизации республик Балтии. Однако решения о назначениях на ответственные должности давались чрезвычайно сложно. Шаталин в середине мая 1945 г. жаловался, что за семь месяцев работы так и не удалось до конца

⁷ Подробнее о роли М.А. Суслова см.: *O'Sullivan D. Reconstruction and Repression – the role of M. Suslov in Lithuania, 1944–1946 // Forum für osteuropäische Ideen und Zeitgeschichte. 2000. P. 195–208.*

⁸ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 213. Л. 53.

⁹ Там же. Д. 194. Л. 32–33.

¹⁰ Там же. Д. 907. Л. 26.

укомплектовать центральный аппарат Компартии Эстонии. Речь шла всего о 78 ответственных должностях. Местный аппарат управления вплоть до начала 1946 г. был укомплектован больше, чем наполовину. В Латвии в это же время, по информации Шаталина, также остро стоял вопрос о среднем (уездном) и низовом (волостном) звеньях управления¹¹.

Проблема во многом заключалась в том, что в этих республиках фактически отсутствовали просоветски настроенные кадры, а различные должности на местах занимали не имевшие опыта руководящей работы люди (бывшие партизаны, инвалиды войны, а иногда и просто пострадавшие от немцев рабочие и крестьяне, получавших свои должности в качестве своеобразной компенсации). Для советского руководства приоритетом была скорейшая расстановка своих людей на руководящих должностях. Например, в Курляндию, которая была освобождена Красной армией уже после окончания войны с Германией, секретарей местных волостных комитетов партии в буквальном смысле десантировали на самолетах и ввозили на боевой технике.

Результатом таких авральных назначений были многочисленные ошибки, которые выяснялись в ходе проверок и чисток. Например, в Эстонии в мае 1945 г. в ходе первой масштабной проверки кадров были освобождены от занимаемых должностей один нарком, шесть заместителей наркомов и 15 начальников отделов в правительстве. В уездах и волостях вплоть до 1946 г. проходили постоянные снятия с должности, так как в ходе проверок было установлено, что партийные и государственные посты занимали деятели буржуазно-националистических организаций и пособники немецких оккупантов. Наибольшая «засоренность сомнительными и даже враждебными людьми», по выражению Шаталина, была среди эстонских председателей волостных исполкомов – главных противников коллективизации, защитников «кулаков и немецких пособников». В результате принудительной ротации за 1945 г. из 238 председателей волостных исполкомов заменили 176 чел. Свои должности сохранили только те председатели, кто эвакуировался после оккупации республики либо провел войну в немецком плену. Кроме того, приоритетом при назначении была и национальность. Как правило, на все крупные партийные и правительственные должности старались назначать представителей «местных» кадров. При этом чаще всего речь также не шла о высоко профессиональных качествах кандидатов.

Разумеется, что «местных» кадров на все должности просто не хватало. Поэтому по всему СССР проводился отбор коммунистов среди латышей, литовцев и эстонцев для отправки в республики Балтии, сюда направлялись также граждане других национальностей, главным образом русских. В итоге после немецкой оккупации, как отмечал в мае 1953 г. заведующий отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК КПСС Е.И. Громов, в Литве русские почти везде занимали посты вторых секретарей волостных и уездных комитетов, а затем райкомов партии, заместителей председателей исполкомов волостных, уездных и районных советов депутатов трудящихся. Точно такая же ситуация сложилась и в других республиках. Это приводило к трениям на этнической почве, тем более что «приезжие» недооценивали местные национальные традиции и менталитет. М.А. Сулов еще в 1945 г. писал:

У некоторой части русских товарищей, прибывших в Литву, в партийной и государственной работе проявлялись в известной мере реакция на ошибки националистического порядка, допускавшиеся местными парторганизациями, недооценка, а иногда и игнорирование национальных особенностей. Так, например, секретарь Клайпедского горкома партии т. Шилин, ныне освобожденный от обязанностей, на пленуме ЦК КП(б)Л заявлял примерно так: «нам нечего беспокоиться об учете национальных особенностей, наша задача – проводить революционную линию»¹².

¹¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 193. Л. 29.

¹² Зубкова Е.Ю. Прибалтика и Кремль... С. 157.

Впрочем, в первые послевоенные годы от таких деятелей, как Шилин, старались избавляться¹³. Но это не влияло на численное доминирование русских в первые послевоенные годы. В той же парторганизации Литвы к июлю 1945 г. состояло 3 тыс. 157 членов и кандидатов в члены партии, из них русских – почти 2 тыс. чел., литовцев – только 1,2 тыс.¹⁴ Литовский исследователь В. Тининис приводил иные данные: к 1947 г. литовцев среди членов партии насчитывалось 18 %, а к 1953 г. это число возросло до 38 %¹⁵. Иными словами – число литовцев среди рядовых членов партии было меньше.

Состав руководителей и специалистов прибалтийских республик по данным учета на 1 ноября 1947 г.

К 1947 г. политическая ситуация в республиках Балтии в целом стабилизировалась, что привело к упразднению специальных Бюро ЦК. С этого времени, как в остальных советских республиках, непосредственное управление осуществлялось местными ЦК компартий, хотя и под контролем ЦК ВКП(б).

Стабилизация произошла и в составе руководящих кадров, о чем свидетельствуют результаты особой переписи – «Единовременного учета руководящих работников и специалистов на 1 ноября 1947 года», которая проводилась на основании постановления Совета Министров СССР № 2974 от 22 августа 1947 г. «О проведении единовременного учета руководящих работников и специалистов на 1 ноября 1947 года». В документе рекомендовалось:

Учетом охватить всех лиц, занимающих руководящие должности и должности специалистов, а также лиц, окончивших высшие и средние специальные учебные заведения, независимо от занимаемой ими должности¹⁶.

Учет должен был проводиться во всех государственных, кооперативных и общественных предприятиях, учреждениях и организациях. Министерства и центральные учреждения СССР представляли сведения в центральное статистическое управление Госплана, остальные организации – региональным уполномоченным Госплана. Следует отметить, что результаты учета были секретными, обобщающие данные по всем регионам доводились до сведения исключительно высших органов власти и управления – ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР. Местные власти могли ознакомиться только с обобщенными данными своей области, края или республики. В статистических формах, разработанных для проведения учета, содержались разнообразные сведения о количественном, половозрастном составе учреждений и организаций, образовательном уровне и партийной принадлежности сотрудников¹⁷.

В ходе учета собирались данные и о работниках партийного аппарата, включая сведения о доле в нем специалистов «коренных» национальностей, имевших высшее и среднее специальное образование. В Латвийской ССР в ЦК КП Латвии эта доля составляла 48 %, в уездных и городских партийных комитетах – 39 %. В ЦК КП(б) Литвы – 18 %, в уездных, городских и районных (в составе городов)

¹³ Деметьев И.О. Политика памяти в Клайпеде на рубеже 1940–1950-х годов (по материалам газеты «Советская Клайпеда») // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 4. С. 101.

¹⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 193. Л. 58.

¹⁵ Tininis V. Political Bodies of the Soviet Union in Lithuania and their Criminal Activities: the second soviet occupation (1944–1953). Vilnius, 2008. P. 96.

¹⁶ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб.). Ф. 25. Оп. 7. Д. 849. Л. 2.

¹⁷ Более подробно об организации и проведении учета см.: Болдовский К.А. Социальный состав руководителей послевоенного Ленинграда по данным учета 1947 г. // Новейшая история России. 2012. № 3. С. 197–213.

комитетах – 11 %. В ЦК КП(б) Эстонии – 47 %, в уездных, городских и районных (в составе города) комитетах – 58 %. Разумно предположить, что эти соотношения можно с достаточной степенью уверенности распространить и на общий национальный состав работников партаппарата прибалтийских республик¹⁸.

Особый интерес представляют данные о численности работников в конкретных отраслях, доле в них представителей «коренной» национальности, количестве руководителей, прибывших на работу после окончания войны. Последние данные дают возможность определить долю работников отрасли, которые проживали на данной территории во время оккупации.

Обобщенные данные по Латвийской ССР на 1 ноября 1947 г. представлены в табл. 1.

Таблица 1

Сведения о составе работников Латвийской ССР по отраслям

Отрасли	Общее количество работников, чел.	Количество работников-латышей, %	Количество работников, прибывших после освобождения республики от оккупации, %
<i>Органы власти и управления</i>			
Центральный аппарат министерств и ведомств республики	155	66	95
Руководители местных органов республиканских министерств	823	61	89
Председатели сельских и волостных советов	1860	80	38
<i>Промышленные тресты, комбинаты и промышленные предприятия</i>			
Руководители трестов, директоры предприятий, их заместители, главные инженеры	1851	56	78
Инженеры на производстве, техники и мастера	3037	55	51
<i>Строительство</i>			
Начальники строительства и стройконтор	110	23	85
Главные инженеры	70	25	23
Прорабы, мастера, десятники	616	32	79
<i>Сельское хозяйство</i>			
Директоры совхозов, старшие агрономы	223	61	82
<i>Торговые организации</i>			
Руководители торговых организаций, их заместители, директоры магазинов, столовых, торговых баз и складов	2676	49	71
<i>Образование</i>			
Директоры, ректоры ВУЗов и техникумов и их заместители	373	64	81
Профессоры, доценты, преподаватели и ассистенты	1936	74	36
Преподаватели средних, неполных средних и начальных школ	9173	85	14
<i>Здравоохранение</i>			
Руководители, их заместители, главные врачи	338	45	72
Врачи	1388	42	96
<i>Научные учреждения</i>			
Руководители и их заместители, ученые секретари	223	45	25
Научные сотрудники (старшие, младшие, исследователи)	410	76	32
<i>Издательства, редакции газет, зрелищные предприятия и учреждения искусства</i>			
Руководители и их заместители	137	58	96

Составлено по данным: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 57. Д. 370. Л. 3–119.

¹⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 57. Д. 198. Л. 24–26 об., 32–35 об.; Там же. Д. 200. Л. 95–99 об.

Данные учета по Литовской ССР на 1 ноября 1947 г. представлены в табл. 2.

Данные учета по Эстонской ССР на 1 ноября 1947 г. представлены в табл. 3.

Анализ представленных в таблицах данных позволяет сделать некоторые выводы о структуре состава руководящих кадров и специалистов в республиках Прибалтики в период «позднего сталинизма». Так, в республиканских органах власти и управления прослеживается тенденция роста доли работников «коренных» национальностей и уменьшения доли «вернувшихся и приехавших». Если в центральных аппаратах республиканских министерств работало примерно 60–70 % «коренных» работников, а доля «приезжих» была более 90 %, то на уровне уездов и волостей соотношение изменялось практически зеркально: доля «коренных» работников увеличивалась до 80–90 %, а число «приезжих» падало до 30–50 %. Таким образом, большинство низовых руководителей государственных структур состояло из людей, которые находились в годы войны на оккупированной территории.

Таблица 2

Сведения о составе работников Литовской ССР по отраслям

Отрасли	Общее количество работников, чел.	Количество работников-литовцев, %	Количество работников, прибывших после освобождения республики от оккупации, %
<i>Органы власти и управления</i>			
Центральный аппарат министерств и ведомств республики	162	52	91
Руководители местных органов республиканских министерств и ведомств	1053	71	47
Председатели и заместители председателей горисполкомов	27	59	92
Председатели уездных исполкомов	44	93	54
<i>Промышленные тресты, комбинаты и промышленные предприятия</i>			
Руководители трестов, директоры предприятий, их заместители, главные инженеры	1540	52	57
Инженеры на производстве, техники и мастера	1992	64	37
<i>Строительство</i>			
Начальники строительства и стройконтор	86	50	59
Главные инженеры	21	38	67
Прорабы, мастера, десятники	292	23	35
<i>Сельское хозяйство</i>			
Директоры совхозов, старшие агрономы, старшие зоотехники	312	54	51
<i>Торговые организации</i>			
Руководители торговых организаций, их заместители, директора магазинов, столовых, торговых баз и складов	1545	50	42
<i>Образование</i>			
Директоры, ректоры ВУЗов и техникумов и их заместители	273	63	48
Профессоры, доценты, преподаватели и ассистенты	1626	81	18
Преподаватели средних, неполных средних и начальных школ	8029	90	13
<i>Здравоохранение</i>			
Руководители, их заместители, главные врачи	466	49	33
Врачи	981	54	25
<i>Научные учреждения</i>			
Руководители и их заместители, ученые секретари	45	62	51
Научные сотрудники (старшие, младшие, исследователи)	88	70	21
<i>Зрелищные предприятия и учреждения искусства</i>			
Руководители и их заместители	88	57	71

Составлено по данным: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 57. Д. 371. Л. 2–61об.

Сведения о составе работников Эстонской ССР по отраслям

Отрасли	Общее количество работников, чел.	Количество работников-эстонцев, %	Количество работников, прибывших после освобождения республики от оккупации, %
<i>Органы власти и управления</i>			
Центральный аппарат министерств и ведомств республики	235	71	95
Руководители местных органов республиканских министерств	392	82	76
Председатели сельских и поселковых советов, председатели волостных исполкомов	873	95	34
<i>Промышленные тресты, комбинаты и промышленные предприятия</i>			
Руководители трестов, директора предприятий, их заместители, главные инженеры	1851	56	79
Инженеры на производстве, техники и мастера	1389	33	80
<i>Строительство</i>			
Начальники строительства и стройконтор	68	51	75
Главные инженеры	40	57	57
Прорабы, мастера, десятники	413	36	76
<i>Сельское хозяйство</i>			
Директоры совхозов, старшие агрономы, старшие зоотехники	290	83	37
<i>Торговые организации</i>			
Руководители торговых организаций, их заместители, директора магазинов, столовых, торговых баз и складов	1379	68	50
<i>Образование</i>			
Директоры, ректоры ВУЗов и техникумов и их заместители	280	83	53
Профессоры, доценты, преподаватели и ассистенты	1228	93	20
Преподаватели средних, неполных средних и начальных школ	5010	85	18
<i>Здравоохранение</i>			
Руководители, их заместители, главные врачи	335	61	45
Врачи	534	39	43
<i>Научные учреждения</i>			
Руководители и их заместители, ученые секретари	88	89	53
Научные сотрудники (старшие, младшие, исследователи)	208	86	27
<i>Издательства, редакции газет, зрелищные предприятия и учреждения искусства</i>			
Руководители и их заместители	76	91	34
Редакторы, художественные руководители, режиссеры и дирижеры	104	93	33

Составлено по: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 57. Д. 357. Л. 6–56 об.

Характеристики руководителей и специалистов в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве существенно зависели от конкретных условий республик. В тех из них, где создание новых промышленных объектов (например, в Эстонской ССР) только начиналось, доля приезжих и среди руководителей, и среди низовых работников была заметно выше. Вместе с тем процент руководителей промышленных предприятий и объединений, являвшихся представителями коренных национальностей, во всех трех республиках едва превышал 50 %.

Интересен анализ доли партийной прослойки среди указанных выше категорий работников. Очевидна тенденция резкого понижения уровня партийности при

снижении иерархичности. В центральных аппаратах республиканских министерств и ведомств доля беспартийных¹⁹ была незначительна: 2 % – в Латвии, 12 % – в Литве и 14 % – в Эстонии. Прямо противоположным было распределение на уровне руководителей сельских, уездных и волостных структур. Доля беспартийных среди них составляла соответственно: 81, 91 и 78 %. Практически такая же картина наблюдается и среди работников здравоохранения и науки.

Среди учителей, преподавателей высшей школы и специалистов учреждений культуры доля работников «коренных» национальностей была значительной – 85–90 %, а доля «приезжих» работников в этой сфере – относительно малой – от 13 до 18 %. Следовательно, большинство из них (свыше 80 %) составляли люди, прошедшие военное время на оккупированной территории. Чрезвычайно низкой в этой категории была и партийная прослойка. Среди преподавателей средних, неполных средних и начальных школ от 94 до 97 % было беспартийных. Такая ситуация объяснялась явной нехваткой профессиональных партийных кадров, в том числе знакомых с национальной спецификой²⁰. Подобное положение вызывало тревогу у руководителей республик, во многих случаях власти прибегали к репрессивным мерам. Так, в Эстонии в 1949 г. первый секретарь ЦК республиканской компартии Н.Г. Каротамм отстранил почти одну тысячу учителей, признав их «неблагонадежными элементами»²¹.

Кадровая политика и политические кампании «позднего сталинизма»

Влияние на кадровую политику в республиках Прибалтики оказывали и многочисленные политические кампании. Проведение спецопераций, направленных на борьбу с «националистическим подпольем», или организация высылки стали привычными для стран Балтии в послевоенный период. В Латвии с 1944 по 1952 гг. было арестовано и/или выслано 119 тыс. человек, а убито в ходе спецопераций в тот же период – 2 тыс. 321 чел.²² В Литве с 1944 по 1952 гг. было репрессировано, то есть «арестовано, убито и выслано за пределы республики 270 тыс. чел., то есть почти 10 % населения республики»²³.

Проводились и политические кампании, направленные против высших руководителей республик. В 1946 г. В.С. Абакумов в связи с полученными на бывшего первого секретаря ЦК КП(б) Эстонии К. Сяре материалами предлагал возбудить дело в отношении министра иностранных дел республики Х.Х. Крусса²⁴. Крусс обвинялся в том, что в 1919–1920 гг. он выступал за отделение Эстонии от России, а в 1940 г. подготовил книгу по истории эстонского народа, написанную в антисоветском духе²⁵.

Тогда И.В. Сталин не санкционировал начало кампании, но уже в 1950 г. в Эстонии развернулась мощная чистка, в ходе которой резкой критике со стороны ЦК ВКП(б) подверглась именно кадровая политика руководства республики. В постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1950 г. «О работе ЦК ВКП(б) Эстонии» объявлялось, что руководство республики проявило «политическую неразборчивость, результатом чего стали многочисленные факты проникновения на ответственные посты в республике буржуазно-националистических элементов». За этим

¹⁹ К беспартийным работникам в ходе учета относили тех, кто не был членом ВКП(б), кандидатом в члены ВКП(б) или комсомольцем.

²⁰ См. об этом: *Лаукайтите Р.* Советские и национальные ценности в послевоенной Литве: рычаги индоктринации общества, 1944–1953 гг. // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг.: матер. VII межд. науч. конф. Тверь, 4–6 декабря 2014 г. М., 2015. С. 164–171.

²¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 907. Л. 60.

²² *Зубкова Е.Ю.* Прибалтика и Кремль... С. 321.

²³ *Максименков Л.* Признания лубянского маршала. Неизвестный меморандум Лаврентия Берия о положении в Литве в 1953 г. // Независимая газета. 2005. 5 августа.

²⁴ Составлено по данным: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 57. Д. 371. Л. 2–61 об.

²⁵ Там же. Ф. 3. Оп. 61. Д. 905. Л. 96.

последовали знаковые отставки – Н.Г. Каротамма с поста первого секретаря ЦК КП(б) Эстонии и Х.Х. Крусса (на этот раз министра обвинили в том, что он был связан с председателем партии эсеров в Эстонии, а его сын якобы служил в немецкой армии). Кроме того В.С. Абакумов подготовил для И.В. Сталина целый ряд записок с предложениями арестовать не только вышеназванных лиц, но и министра торговли А. Ханзена, зам. министра пищевой промышленности Л.Д. Лююса, министра госбезопасности Б.Г. Кумма, председателя Совета министров ЭССР А.Т. Веймере, секретаря ЦК КП(б) Эстонии В.И. Куузике и др. Обвинения были довольно стандартными. Например, Каротамм обвинялся в том, что выступал против выселения кулаков, брал под защиту политически скомпрометированных работников.

Ситуацию в других республиках нельзя назвать более спокойной. В Литве еще в 1947 г. в ходе шпиономании, развернувшийся в рамках борьбы с космополитизмом, был отстранен министр иностранных дел Литовской ССР П. Ротомскис. Одним из обвинений послужило то, что английскому языку его обучала дочь знаменитого профессора Л.П. Карсавина. В начале 1953 г. в Литве развернулась настоящая антисемитская кампания, и главный удар должен был прийтись как раз по высшему руководству республики. Поводом для ее начала послужило анонимное письмо, датированное не ранее 21 февраля 1953 г., о якобы имевшей место в республике «шпионской деятельности еврейской заграничной агентуры». Письмо переполнено юдофобской терминологией. В нем сообщалось, что жена первого секретаря ЦК КПЛ А.Ю. Снечкус – еврейка и что «через нее делается много самых грязных и темных дел по использованию евреев в республике», а Верховный Совет республики объявлялся «пристанищем еврейских дельцов». Безвестный автор письма сообщал:

Беда руководящему работнику, который начнет регулировать нач. состав в своем учреждении в сторону сокращения евреев, он рано или поздно, а если это министр или зам., то при непосредственном участии Снечкуса и его окружения, он будет отстранен²⁶.

Г.М. Маленков дал зеленый свет для работы с этой анонимкой. В Литву для раскрытия сионистского заговора среди руководящих кадров был направлен инспектор ЦК Ю.В. Андропов (будущий председатель КГБ СССР), который полностью подтвердил изложенные в письме факты. 4 марта 1953 г. секретари ЦК КПСС Н.М. Пегов и А.Б. Аристов доложили Маленкову о том, что в Литве неправильно подбирают руководящие кадры и что заметное влияние здесь оказывают «лица еврейской национальности», которые «создают обстановку семейственности и круговой поруки, что способствует нарушению советских законов, государственной дисциплины, возникновению злоупотреблений»²⁷. Пегов и Аристов рекомендовали при очередном приезде Снечкуса в Москву переговорить с ним по данному вопросу и обратить внимание на более «бдительное отношение к делу подбора и расстановки руководящих кадров в республике»²⁸. Однако спустя несколько дней все бумаги по данному вопросу были отправлены Н.С. Хрущевым по согласованию с Маленковым в архив, а антисемитская кампания закончилась, так и не успев толком начаться.

Новым этапом в политике Кремля по отношению к странам Балтии после смерти И.В. Сталина стали предложения, представленные в 1953 г. в записках членов коллективного руководства и аппарата ЦК КПСС. Речь идет о следующих документах: записка Л.П. Берии «О положении в Литве» от 8 мая, справка заведующего Отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК КПСС Е.И. Громова «О недостатках в деле выдвижения, воспитания местных кадров и массово-полити-

²⁶ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 205. Л. 81–82.

²⁷ Там же. Л. 75.

²⁸ Там же. Л. 77.

ческой работы в Литовской партийной организации» от 18 мая, записка Н.С. Хрущева «О положении дел в Латвийской ССР» от 8 июня и, наконец, справка Громова «О положении в Эстонии» от 20 июня²⁹. Общий смысл всех документов сводился к тому, что на руководящих должностях во всех трех республиках отсутствовали «местные» национальные кадры, наблюдалось засилье русских, плохо знающих специфику республик. Кроме того, официальное делопроизводство в партийных и государственных органах велось на русском языках, что, как подчеркивалось, приводило к неправильному пониманию населением советской политики, порождало недовольство и служило почвой для деятельности националистических элементов. Впрочем, стоит оговориться, что предложения Берии в значительной мере были посвящены совершенствованию оперативной работы по борьбе с националистическим подпольем в Литве и лишь в незначительной степени касались необходимости изменения форм и методов работы в областных и районных партийных и государственных органах власти, тогда как предложения партийного аппарата более детально затрагивали масштабы национальной проблемы в республиках. При этом критике подвергалась и деятельность спецорганов. Так, Хрущев в записке о Литве связывал причины неудовлетворительной борьбы с националистами не только с преобладанием русских в органах МГБ/МВД, но и с тем, что данные структуры использовали «огульные карательные меры и репрессии, зачастую затрагивающие ни в чем не повинных граждан»³⁰.

Итогом предложений, озвученных в документах, стали постановления Президиума ЦК КПСС «Вопросы Литовской ССР» от 26 мая³¹ и «Вопросы Латвийской ССР» от 12 июня 1953 г.³², содержавшие предложения по ликвидации недостатков в национальной политике в республиках Балтии. Например, в постановлении о Латвии главной задачей объявлялась «подготовка, выращивание и широкое выдвижение латышских кадров на руководящую партийную, советскую и хозяйственную работу». Кроме того, постановлением отменялась практика выдвижения на посты вторых секретарей райкомов партии и заместителей председателей исполкомов депутатов трудящихся работников не из числа латышей. Директорами совхозов, МТС и промышленных предприятий рекомендовалось назначать только латышей и освобождать с номенклатурных должностей всех, кто не знал латышского языка. Наконец, официальное делопроизводство, а также любые заседания ЦК КП Латвии, горкомов и райкомов, исполкомов советов депутатов трудящихся должны были проводиться теперь только на латышском языке³³.

После ареста Л.П. Берии кадровая политика в республиках Балтии была в очередной раз скорректирована³⁴. Руководители МВД СССР первыми предложили пересмотреть кадровые назначения Берия в мае – июне 1953 г. в Латвии, Литве и Эстонии. В развернутой записке С.Н. Круглова, И.А. Серова и К.Ф. Лунева от 22 августа 1953 г. сообщалось, что в нарушение партийного принципа подбора кадров «по политическим и деловым качествам на руководящие должности в органах МВД этих республик были назначены работники только местной национальности, без учета их политического лица и способностей выполнять работу»³⁵. Руководители центрально-

²⁹ Подробнее о всех записках см.: *Зубкова Е.Ю.* Прибалтика и Кремль... С. 326–333.

³⁰ Там же. С. 329.

³¹ Проект предварительно рассматривался 20 мая. Было принято решение комиссии во главе с Г.М. Маленковым подготовить окончательный текст постановления.

³² Проект постановления Президиума ЦК КПСС по Эстонии был подготовлен, но не утвержден в связи с арестом Берия и внесением корректив в национальную политику.

³³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 24. Л. 1–2.

³⁴ В прокуратуре СССР // *Правда*. 1953. 17 декабря. № 351.

³⁵ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 11. Л. 54.

го МВД предложили устранить всех некомпетентных и политических незрелых руководителей местных МВД. Аналогичные процессы по пересмотру «бериевских» назначений были проведены в других государственных и партийных структурах.

Выводы

В первые послевоенные годы проблемы кадровой политики были одними из важнейших для организации действенной системы управления в освобожденных регионах Прибалтики. Для обеспечения контроля со стороны союзных властей были созданы Бюро ЦК ВКП(б) по трем прибалтийским республикам как чрезвычайные органы, просуществовавшие с 1944 по 1947 гг. В перечень их главных задач, помимо координации борьбы с «националистическим подпольем», входила организация системы управления, а следовательно, и подбор необходимых для этого кадров. Итоги работы в данном направлении видны в статистических сведениях, полученных в ходе проведения «Единовременного учета руководящих работников и специалистов на 1 ноября 1947 года», которые являются уникальным источником по состоянию кадровой политики СССР периода «позднего сталинизма». Данные учета показывают, что значительную часть руководителей органов управления, промышленных предприятий и других организаций на уровне республик составляли специалисты, приехавшие из других регионов СССР. Доля руководителей и специалистов «коренных национальностей» чаще всего находилась в диапазоне 50–60 %. Высокой на этом иерархическом уровне была и доля «приезжих», то есть тех работников, которые вернулись из эвакуации или прибыли в республики после демобилизации. На уровне уездов и волостей картина была прямо противоположной. Здесь наблюдался высокий процент работников «коренных» национальностей (80–95 %) и значительно меньшая доля приезжих. Величина партийной прослойки сильно уменьшалась при переходе к структурам более низкого иерархического уровня. Таким образом, на низовом уровне практически во всех сферах, за небольшим исключением, состав руководителей и специалистов состоял из местных жителей, как правило беспартийных, проживавших в годы войны в оккупации. В организациях и учреждениях образования, науки и культуры местные уроженцы составляли подавляющее большинство, в то время как партийная прослойка была незначительной (6–8 %).

Такое положение беспокоило как партийное руководство республик, так и центральные власти. Представляется обоснованным предположить, что ряд политических кампаний конца 1940-х – начала 1950-х гг. был вызван в том числе недовольством руководителей страны состоянием дел в области кадровой политики, особенно после ознакомления с данными «Единовременного учета».

В краткий период от смерти Сталина до ареста Берии были предприняты декларативные попытки реформирования кадровой политики в прибалтийских республиках. Если в записке Л.П. Берии необходимость изменений в кадровой политике в сторону более широкого привлечения местных уроженцев мотивировалась нуждами борьбы с «националистическим подпольем», то в записке Н.С. Хрущева и сопутствующих ей документах ставились более политические задачи по реформированию кадровых практик в республиках в целом. В период «позднего сталинизма» подобные кадровые проблемы в Прибалтике являлись следствием назревавшего системного кризиса управляющих структур, когда жестко централизованное управление уже не справлялось с возрастающим количеством политических вызовов и усложнением общественных отношений.

Поступила в редакцию / Submitted: 02.12.2021

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 02.02.2022

Принята к публикации / Accepted for publication: 01.03.2022

References

- Boldovskiy, K.A. "Sotsial'nyi sostav rukovoditelei poslevoennogo Leningrada po dannym ucheta 1947 g." *Modern History of Russia*, no. 3 (2012): 197–213 (in Russian).
- Demet'ev, I.O. "Politika pamiaty v Klaypede na rubezhe 1940–1950-kh godov (po materialam gazety 'Sovetskaya Klaypeda')." *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Ser.: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, no. 4 (2016): 93–108 (in Russian).
- Feest, D. *Zwangskollektivierung im Baltikum*. Koln und Wien: Böhlau, 2007 (in German).
- Hämäläinen, M. "Eestimaa Kommunistliku Partei Keskkomitee nomen klatuur 1945–1990: areng ja statistika." *Ajalooline Ajakiri*, no. 4 (2015): 357–386 (in Estonian).
- Khodjakov, M.V. "Materialy gosudarstvennogo arhiva Estonii kak istochnik po izucheniyu istorii voennoplennykh vtoroi mirovoi voiny v lageriakh NKVD-MVD ESSR. 1944–1949 gg." *Herald of an Archivist*, no. 2 (2013): 121–132 (in Russian).
- Khodjakov, M.V. "Partiino-sovetskoe rukovodstvo Estonskoi SSR i bor'ba za trudovye resursy lagerei NKVD dlia inostrannykh voennoplennykh v 1944–1946 gg." *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta*, no. 21 (2015): 272–282 (in Russian).
- Laukajite, R. "Sovetskie i natsional'nye tsennosti v poslevoennoi Litve: rychnagi indoktrinatsii obshchestva, 1944–1953 gg." In *Sovetskoe gosudarstvo i obshchestvo v period pozdnego stalinizma. 1945–1953 gg.* Moscow: ROSSPEN Publ., 2015: 164–171 (in Russian).
- Liivik, O. "Nomenklatuuriüsteemi funktsioneerimise aastatel 1944–1953 Eesti NSV valitsusliikmete näite." *Ajalooline Ajakiri*, no. 4 (2015): 387–406 (in Estonian).
- Maksimov, L. "Priznaniia lubianskogo marshala. Neizvestnyy memorandum Lavrentiya Beriya o polozhenii v Litve v 1953 g." *Nezavisimaya gazeta*, no. 162 (2005) (in Russian).
- Mertelsmann, O. *Der stalinistische Umbau in Estland. Von der Markt zur Kommandowirtschaft*. Hambur: Kovač, 2006 (in German).
- Mertelsmann, O. *Die Sowjetisierung Estlands und seiner Gesellschaft*. Hambur: Kovač, 2012 (in German).
- Mertelsmann, O., Rahi-Tamm, A. "Cleansing and compromise. The Estonian SSR in 1944–1945." *Cahiers du Monde Russe*, no. 49 (2008): 319–340.
- O'Sullivan, D. "Reconstruction and Repression – the role of M. Suslov in Lithuania, 1944–1946." In *Forum für Osteuropäische Ideen und Zeitgeschichte*, no. 1 (2000): 195–208 (in German).
- Saueauk, M. "Erikaader: nomenklatuur ja julgeolekuorganid Eesti NSV-s 1940–1953." *Ajalooline Ajakiri*, no. 4 (2015): 407–440 (in Estonian).
- Tammela, H. *Eesti NSV nomenklatuur (1944–1953). Bakalaureusetöö. Juhendaja*. Tartu: Ülikool, 2005 (in Estonian).
- Tannberg, T. *Politika Moskvy v respublikakh Baltii v poslevoennyye gody (1944–1956). Issledovaniya i dokumenty*. Moscow: ROSSPEN, 2010 (in Russian).
- Tininis, V. *Political Bodies of the Soviet Union in Lithuania and their Criminal Activities: the second soviet occupation (1944–1953)*. Vilnius: Margi Rastai, 2008.
- Zubkova, E.Yu. "Fenomen 'mestnogo natsionalizma': 'Estonskoe delo' 1949–1952 godov v kontekste sovetizatsii Baltii." *Otechestvennaya istoriya*, no. 3 (2001): 89–102 (in Russian).
- Zubkova, E.Yu. "Tsentr i baltiiskie Respubliki: 'perezagruzka' vzaimootnoshenii v 1950-e gg." *Ural'skij Istoricheskij Vestnik*, no. 2 (2019): 112–119 (in Russian).
- Zubkova, E.Yu. *Pribaltika i Krem'. 1940–1953*. Moscow: ROSSPEN, 2008 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Кирилл Анатольевич Болдовский, канд. истор. наук, старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН; Россия, 197110, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводск, 7; e-mail: bold63@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7152-9484>

Kirill A. Boldovskiy, PhD in History, Senior Research Fellow, St. Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences; 7, Petrozavodskaya ul., St. Petersburg, 197110, Russia; e-mail: bold63@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7152-9484>

Никита Юрьевич Пивоваров, канд. истор. наук, доцент, Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова (Сеченовский Университет); Россия, 119991, Москва, ул. Трубецкая, 8; старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; Россия, 119334, Москва, Ленинский пр-т, 32а; e-mail: pivovarov.hist@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-5225-7524>

Nikita Yu. Pivovarov, PhD in History, Associate Professor, First Moscow State Medical University (Sechenov University); 8, Trubetskaya St., Moscow, 119991, Russia; Chief Researcher, Institute of World History of History of Russian Academy of Sciences; Institute of World History of History of Russian Academy of Sciences, 32a, Leninskiy Av., Moscow, 119334, Russia; pivovarov.hist@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-5225-7524>